

Под жемчужную музыку рос,
Поклоняясь саням и телегам,
Я в деревне родился и рос,
Чтобы стать на земле человеком.

Не умел я соврать и украсть,
Не чурался косы и орала...
Но со мною державная власть
В догонялки и жмурки играла.

Я ей — хлеб. Я ей — пряники! Рад! —
Молоко, и медок, и повидло...
А она меня — электорат,
Что не краше давнишнего “быдло”.

Мне привиделась эта напасть,
Как бывало — колёса и оси:
Да, Отечество — вовсе не власть,
Та, что власть, — не Отечество вовсе.

Мне не надо чинов и наград,
Крупных денег и лёгкой работы...
Я во славу Отечества рад
Принимать и дела, и заботы.

И тянуть государственный воз,
Умываясь дождём или снегом...
Я в деревне родился и рос,
Чтобы стать на земле человеком.

* * *

Бывают чудные часы
Июльской тихой рани,
Когда густой посев росы
Стушёвывает грани.

И былъ земная, веселя
Тебя, уходит в небыль.
И ты не знаешь: где земля
Кончается, где — небо.

И телеграфные столбы
Сгибаются, как в пляске.
Ты только вышел из избы
И оказался в сказке.

И если в этой тишине
Проходишь по деревне —
В любом распахнутом окне
Увидишь по царевне.

И тут себе за просто так
В тот дивный час рассвета
Скажи: “Земля на трёх китах”, —
И ты поверишь в это.

В БЕЛОМ ХРАМЕ БЕРЁЗ

Льву Степановичу Черепанову

В светлой горенке русских сказаний,
В белом храме российских берёз
Вся душа обольётся слезами,
Очистительной святостью слёз.

Посветлеет в душе и во взоре,
Оглядишь времена и года,
И покажется: горе — не горе;
И помстится: беда — не беда.

И почувствуешь крепость и силу,
И не смогут, отныне и впредь,
Никакая беда — до могилы! —
Никакая напасть одолеть.

Чёткость мысли и образа точность.
Обострённые зренья и слух.
И работать на полную мощность
Станет твой человеческий дух.

Всю жизнь давил в себе раба,
Как в школе праведно учили.
Мой край родимый — Бараба,
А я деру гортань за Чили...

Хожу в колхозе, как в ярме,
Но я ору, из кожи лезу,
Что где-то там сидит в тюрьме
Партийный грек Манолис Глезос.

Я спину гнул за трудодни —
Отчизна денег не платила,
Но я изыскивал рубли
На Асуанскую плотину.

Я на любую стройку шёл,
Я забывал порой о маме,
Чтоб люди жили хорошо
В Корее или во Вьетнаме.

Теперь я стар. Я инвалид...
В благотворительной опеке
Никто мне даже не сулит
И ни рубля, и ни копейки.

Беда на нашем берегу!
Но коль несчастный есть под небом,
Я и теперь отдать могу
Последнюю краюшку хлеба.

НАСЛЕДСТВО

По какому, не знаю, закону,
Или это всевышняя милость:
Мне в наследство досталась икона,
На которую мама молилась.

Причитала и кланялась много,
Как земле на родном огороде,
И просила у Господа Бога,
Чтоб отца не убило на фронте.

Будто чем-то она виновата,
Вопрошала негромко и тонко
И за каждого в битве солдата,
И за каждого в доме ребёнка.

Одолеть чтобы горе и беды,
Напрягала и мысли, и жилы...
И отец возвратился с победой,
Да и мы, слава Богу, все живы.

И сегодня молитвой и песней,
Что бы ни было в жизни со мною,
Я молю ей о царстве небесном,
Как она нам молила — земное...